

РЕТРО

О НЕКОТОРЫХ РАСПРОСТРАНЕННЫХ ЗАБЛУЖДЕНИЯХ ПО ПОВОДУ ПРЕДМЕТА И МЕТОДА ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКИ

Людвиг фон Мизес

*Ludwig von Mises. On Some Popular Errors Concerning the Scope and Method of Economics. In: L. von Mises. The Ultimate Foundations of Economic Science: An Essay on Method. Princeton (NJ) e.a.: D. van Nostrand Company, Inc., 1962, ch.5, p.73–83.
Перевод А.А.Александровой*

1. МИФ ОБ "ИССЛЕДОВАНИЯХ"

Широко распространенные идеи, касающиеся методов, которые применяют (или должны применять) экономисты в своих исследованиях, сформировались на основе убежденности в том, что методы естественных наук пригодны и для исследования человеческих действий. Этот миф поддерживается благодаря обыкновению путать экономическую теорию с экономической историей. Историк, имеет ли он дело с тем, что называется историей вообще, или с историей экономической, приходится изучать и анализировать доступные документы и записи, в которые он должен полностью погрузиться. Хотя его деятельность с точки зрения эпистемологии и методологии отличается от деятельности физика или биолога, нет большого вреда в том, чтобы объединить все эти занятия общим названием – исследование (research). Исследования требуют затрат не только времени, но и более или менее значительных средств.

Однако экономическая теория отличается от истории. Она является ветвью праксеологии, априорной теории человеческого действия. Экономист строит свои концепции не на исторических исследованиях, а на теоретическом мышлении, сходном с логическим или математическим. Хотя его деятельность связана с историей, как и со всеми другими науками, история не является источником его знаний. Напротив, экономическая история нуждается в интерпретации посредством теорий, разрабатываемых экономической наукой.

Причина этого очевидна. Историк никогда не сможет построить на основе доступных ему материалов теоремы, раскрывающие причинно-следственные связи событий. Исторический опыт – это не лабораторный эксперимент, он имеет сложную природу, являясь результатом одновременного действия различных сил.

Вот почему неверно утверждать, что "даже дедуктивная экономическая теория свои первичные предпосылки черпает именно в наблюдениях" (Кейнс, 1899 [1891], с.133). Мы можем "наблюдать" лишь слож-

ные и комплексные явления. Экономическая история, опыт или наблюдения могут сообщить нам только такие факты, как: "В течение определенного периода в прошлом шахтер Джон, работавший в шахте компании X в рабочем поселке Y, зарабатывал p долларов за рабочий день продолжительностью n часов". Не существует пути, который мог бы привести от сбора подобных данных к созданию теории, рассматривающей, скажем, факторы, определяющие величину ставок заработной платы.

Существует множество институций, занимающихся тем, что называется экономическими исследованиями. Они собирают разнообразные материалы, комментируют с той или иной степенью свободы события, к которым эти материалы относятся, и даже берут на себя смелость прогнорировать ситуацию в деловой сфере, основываясь на полученных знаниях о прошлом. Видя в прогнозировании свою главную задачу, они называют собираемые данные "инструментарием". Наиболее возвышенным занятием они считают разработку планов государственной политики и потому стремятся играть роль "экономического генерального штаба", помогающего верховному главнокомандующему экономикой страны. В борьбе за гранты и поощрительные государственные премии с институтами, занимающимися естественными науками, они именуют свои отделы "лабораториями", а используемые методы "экспериментальными". Их усилия можно высоко оценить с самых различных точек зрения. Но то, чем они занимаются, — это не экономическая наука. Это новейшая экономическая история.

2. ИЗУЧЕНИЕ МОТИВАЦИИ

Общественное мнение до сих пор находится под впечатлением неудачной попытки представителей классической экономической теории справиться с проблемой ценности. Не будучи в состоянии разрешить очевидный парадокс ценообразования, классики не могли проследить последовательность рыночных сделок вплоть до конечного потребителя, но были вынуждены начинать свои построения с действий бизнесмена, для которого потребительские оценки полезности являются заданными. Поведение бизнесмена как торговца вполне может быть описано правилом: покупай дешевле, продавай дороже. Вторая часть этой формулы связана с поведением покупателей, которые на основе собственных оценок определяют, какую цену они готовы платить торговцу. Однако о самом процессе формирования потребительских оценок ничего не говорится; они рассматриваются как заданные заранее. Если принять эту сверхупрощенную формулу, становится возможным разделить "деловое" поведение, характерное для бизнесмена (именно его обычно неверно называют экономическим или рациональным), и поведение, определяемое факторами иного рода (несправедливо названное неэкономическим или иррациональным). Такая классификация теряет смысл, если мы попытаемся применить ее при анализе поведения потребителей. Основной вред, наносимый подобными стараниями провести различия между типами поведения людей, состоит в отдалении экономической теории от анализа реальности. Многие эпигоны экономистов-классиков видели задачу экономической науки в изучении не действительно происходящих событий, а лишь тех сил, которые некоторым, не вполне понятным обра-

зом предопределили возникновение реальных явлений. По их мнению, экономическая наука на самом деле не ставит целью объяснить процесс формирования рыночных цен, а пытается описывать неопределенное взаимодействие различных факторов, играющих свою роль в ценообразовании. В сущности, она изучает не живых людей, а так называемого "экономического человека", фантома, имеющего мало общего с реальными людьми.

Абсурдность этой концепции становится вполне очевидной, как только возникает вопрос о различиях между человеком реальным и экономическим. Последний рассматривается как совершенный эгоист, осведомленный обо всем на свете, и сосредоточенный исключительно на накоплении все большего и большего богатства. Однако для процесса ценообразования на рынке не имеет значения, является ли покупатель "эгоистом", заботящимся об удовлетворении собственных потребностей, или "альтруистом", покупающим товар по иным причинам, допустим для безвозмездной передачи благотворительному заведению. Точно так же не имеет значения, руководствуется ли потребитель верными или ложными на взгляд стороннего наблюдателя соображениями. Он покупает, полагая, что приобретение определенных товаров удовлетворит его потребности лучше, чем сбережение денег или расходование их на другие цели. Независимо от того, в какой степени индивид сосредоточен на накоплении богатства, он всегда стремится использовать все имеющиеся средства таким образом, чтобы добиться целей, достижение которых удовлетворит его наилучшим образом.

Естественный мотив, определяющий все поступки всех людей, – это стремление насколько возможно, прямо или косвенно, избежать всяческих неудобств и неприятностей. Преследуя эту цель, люди проявляют всю слабость и несовершенство своей природы. Единственное, что определяет реальный ход событий – ценообразование и другие явления, именуемые в обиходе экономическими (как и все события в истории человечества), – это мнения, ожидания и соответствующие им действия людей, столь подверженных заблуждениям! Отличительная черта современной теории предельной полезности состоит в том, что она обращает особое внимание на несовершенство реального человека. Эта теория не изучает поведение идеальной личности, она имеет дело с решениями, которые принимают все участники общественной жизни, взаимодействующие друг с другом на основе разделения труда.

Экономическая теория, как можно услышать от многих ее критиков, предполагает, что индивид всегда ведет себя абсолютно "рационально", т. е. стремится постоянно максимизировать свою выгоду примерно так же, как это делает биржевой игрок. Однако на самом деле, утверждают эти же критики, человек не таков; он нацелен не только на материальные блага, но и на нечто другое, что нельзя измерить деньгами.

В этом широко распространенном рассуждении содержится целый набор ошибок и неточностей. Да, биржевой игрок движим лишь одним стремлением – улучшить свое материальное положение. Но то же самое движет и действиями других людей на рынке. Фермер хочет продать выращенный урожай по самым высоким ценам, которые можно назначить, а наемный работник заботится о том, чтобы получить как

можно более высокую плату за свой труд. Размышляя об условиях оплаты, продавец товара или услуги принимает во внимание не только непосредственно сумму в денежном выражении, но и все остальные нематериальные выгоды, которые могут быть получены в результате сделки. Этот факт вполне согласуется с приведенным описанием мотивов его поведения.

Конечно, совершая те или иные поступки, люди преследуют множество разнообразных и постоянно меняющихся целей. Однако всякое действие неизменно направляется одним мотивом – стремлением достичь ситуации, которая устраивает агента больше, чем исходная, существовавшая до его действия.

3. ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

Широко распространено мнение об экономической теории как науке, изучающей рыночные сделки. Предполагается, что экономическая теория так же тесно связана с деятельностью бизнесменов, как изучаемые в школах технические дисциплины – с деятельностью механиков, инженеров и рабочих. Экономисты якобы говорят и пишут исключительно о том, чем занимаются бизнесмены. Следовательно, последние, будучи практиками, обладают более прочными познаниями и реальной информацией об экономических проблемах, чем теоретики, наблюдающие за процессами со стороны. Лучший способ, который может избрать в этом случае теоретик для изучения реальной действительности, – слушать, что говорят о ней практики.

На самом же деле экономическая наука не ограничивается сферой бизнеса; она рассматривает все рыночные явления, во всех их аспектах. Поведение потребителя, т. е. любого человека, в не меньшей степени является предметом изучения экономической теории, чем поведение кого-либо другого. Сам бизнесмен как таковой вовлечен в этот сложный процесс, который порождает рыночные явления, не более чем кто-либо другой. Позицию экономиста по отношению к объекту его исследований можно сравнить не с отношением авторов технической литературы к инженерам и рабочим, а скорее с отношением биолога ко всем живым существам – включая людей, – чьи жизненные функции он пытается описывать. Офтальмолог, даже если он близорук, все же лучше разбирается в своем деле, чем любой обладатель орлиного зрения.

Конечно, нельзя не признать исторический факт: многие бизнесмены, и прежде всего Давид Рикардо, внесли огромный вклад в развитие экономической науки. Однако наряду с ними можно назвать и других выдающихся ученых, которые были "всею лишь" теоретиками. Основная проблема той дисциплины, которая читается сегодня в университетах под обманчивым названием "economics", состоит не в том, что преподаватели и авторы учебников далеки от реального бизнеса или когда-то потерпели неудачу на этом поприще, а в том, что большинство из них несведущи в вопросах экономической теории и не способны мыслить логически.

Экономист, так же как биолог или психолог, имеет дело с явлениями, реально существующими в жизни каждого человека. Это отличает его работу от деятельности этнолога, изучающего обычаи и нравы

примитивных племен. Экономист не нуждается в перемещениях; он может, невзирая на ухмылки недоброжелателей, успешно трудиться за письменным столом, как это делают логики и математики. Его отличает не особая возможность изучать факты, доступные лишь посвященным, а иной взгляд на мир, позволяющий обнаруживать такие аспекты явлений, которые не в состоянии увидеть другие. Именно это имел в виду Филип Уикстид, когда выбрал эпиграфом для своего знаменитого труда слова из "Фауста" о том, что лишь немногим из живущих дано познать суть жизни.

4. ЛОВУШКИ ГИПОСТАЗИРОВАНИЯ

Склонность к гипостазированию, т. е. к приписыванию реального содержания выстроенным в уме концепциям, – худший враг ясного логического мышления.

В науках, изучающих действия людей, наиболее яркий пример этого явления – употребление термина "*общество*" различными псевдонаучными школами. Нет никакого вреда в том, чтобы использовать его для описания сообщества индивидов, объединившихся в стремлении достичь определенных целей. Именно эта определенность действий разных индивидов создает то, что называют обществом или "великим обществом". Однако общество как таковое не обладает ни материальной субстанцией, ни властью, ни способностью действовать. Действуют только индивиды. Часть их поступков диктуется стремлением кооперироваться с себе подобными. Кооперация людей создает определенное положение вещей, описываемое понятием общества. Общество не существует вне мыслей и действий людей; оно не имеет собственных интересов и ни к чему не стремится. То же самое можно сказать и обо всех других коллективах.

Гипостазирование не только представляет собой эпистемологическое заблуждение и толкает исследователя на ложный путь. В так называемых общественных науках оно часто служит некоторым политическим страстям, поскольку коллективы объявляются более важными, чем личности, или даже отрицается само реальное существование индивида, которого называют абстракцией.

Сторонники коллективизма при этом не могут достичь согласия в оценке различных коллективных объединений. Они заявляют, что один коллектив более важен, чем другие, а наиболее радикальные теоретики даже отказываются признать реальность существования коллективов, созданных на неподходящей для них основе. Так, националисты считают единственным реально существующим объединением людей то, что они сами понимают под словом "нация". Они лояльны лишь по отношению к представителям своей нации, а все остальные коллективы, скажем, религиозные секты, относят к малозначительным. Однако эпистемология не обязана вникать в подобные политические противоречия.

Отказываясь признать собственное независимое существование коллективов, мы не отрицаем в конечном итоге тот факт, что кооперация людей оказывает реальное и значительное воздействие на окружающий мир. Мы просто констатируем, что коллективы создаются благодаря идеям и действиям индивидов и распадаются тогда, когда

образ мыслей и действий людей изменяется. Мысли и действия одних и тех же людей могут подтолкнуть к формированию не одного, а нескольких коллективов: нации, религиозной общины, политической партии и т.п. Вместе с тем человек, оставаясь членом определенного коллектива, подчас совершает, случайно или даже периодически, действия, несовместимые с его дальнейшим пребыванием в данном сообществе. Примером может служить недавняя история некоторых католических наций, большинство представителей которых в предвыборных кампаниях отдавали голоса кандидатам, не скрывавшим своей враждебности по отношению к политическим пристрастиям Церкви и с презрением объявлявшим догмы католицизма мифами. Изучая деятельность коллективов, историк должен обращать внимание на завышенность мышления и поступков людей от различных объединяющих идей. Например, рассматривая историю итальянского Рисорджименто*, необходимо проанализировать, в какой степени и каким образом идея создания итальянского национального государства и идея светского папского государства повлияли на поведение индивидов и групп, которые являются объектами исследования.

Политическая и идеологическая ситуация в Германии в свое время побудила Маркса использовать в программе национализации средств производства термин "общество" вместо термина "государство" (Staat), который в немецком языке имеет также значение "нация". Социалистическая пропаганда создала вокруг слов "общество" и "общественный" ауру святости, проявлявшуюся в квазирелигиозном почитании того, что называют "общественной работой" (social work), т. е. раздачи милостыни и других видов благотворительной деятельности.

5. ОБ ОТКАЗЕ ОТ МЕТОДОЛОГИЧЕСКОГО ИНДИВИДУАЛИЗМА

С точки зрения здравого смысла представляется совершенно невозможным утверждать что-либо по поводу человеческих действий, не определив, каковы намерения индивида, совершающего тот или иной поступок; что воспринимается им как успех или неудача, выигрыш или потеря. Исследуя действия индивидов, мы узнаем все, что можно узнать о действии вообще, ибо, насколько можно судить, в мире нет других существ, которые были бы неудовлетворены сложившимся положением дел и пытались бы воздействовать своими поступками на окружающую действительность. Изучая действия, мы убеждаемся в том, что возможности людей велики, но не беспредельны. Человек не всемогущ и не может поэтому достичь полного удовлетворения, тем более испытывать его длительное время. Перейти от большей степени неудовлетворенности к меньшей, используя доступные средства, – вот все, что он в состоянии сделать.

Исследуя поведение индивида, мы узнаем также все, что можем узнать о жизни общества и коллективов. Что касается последних, их существование проявляется только в поступках индивидов. Коллектив

---

* Рисорджименто (букв. "возрождение" – ит.) – период борьбы за объединение Италии, завершившийся в 1870 г. созданием национального итальянского государства. – *Прим. ред.*

рождается благодаря идеям, которые побуждают людей действовать в рамках определенных групп, и распадается, когда стимулирующее воздействие этих идей прекращается. Единственную возможность познать коллектив как явление дает анализ поведения его членов.

Нет необходимости добавлять что-либо к тому, что уже сказано праксеологией и экономической наукой в защиту методологического индивидуализма и в противовес мифологии методологического коллективизма (см. Mises, 1949, p.41–44, 145–153; Mises, 1957, p.250ff). Даже самые фанатичные приверженцы коллективизма, делая вид, что рассматривают коллективные действия, изучают на самом деле поступки отдельных лиц. Статистика регистрирует события, происходящие не с группами, а с индивидами, из которых они состоят. Конкретные особенности индивидов – вот критерий, определяющий устройство групп. Говоря о социальных образованиях, в первую очередь следует дать четкое определение признака, который логически подтверждает принадлежность индивида к той или иной группе.

Это касается также и тех групп, которые на первый взгляд кажутся сформированными под воздействием "объективных фактов и реальностей", а не "просто" идеологических факторов. Например, речь идет о сообществах людей, живущих в одном месте или имеющих общее происхождение. То, что представители какой-либо одной расы или жители одной страны имеют друг с другом более тесные связи, чем с другими людьми, не является ни "естественным", ни "необходимым". Идея расовой ненависти или расовой солидарности – всего лишь идея, как и все остальные, и, только будучи принятой людьми на вооружение, она порождает соответствующие действия. Даже первобытные племена, которые тоже можно назвать действующими группировками или сообществами, обязаны своим существованием тому, что все члены племени убеждены, что единственная или, по крайней мере, самая надежная возможность обеспечить свое существование – это держаться вместе. Такая примитивная идеология, очевидно, не сильно изменилась за прошедшие тысячи лет. Но сам факт господства идеологии в умах в течение длительного периода не меняет ее праксеологические характеристики. Другие идеологии также могут быть весьма и весьма долговечными, как, например, монархический принцип правления.

Отказ от методологического индивидуализма предполагает, что поведение личности определяется некими таинственными силами, неподвластными изучению и описанию. Однако как только человек осознает, что именно идеи являются движущей силой поступков, он не может не признать факт рождения идей в умах одних людей и их передачи другим. Но тем самым он признает важнейший тезис методологического индивидуализма: идеи, исповедуемые людьми, определяют групповую принадлежность последних, а коллектив нельзя рассматривать как существо, совершающее действия по собственной воле и инициативе.

Все человеческие взаимоотношения рождаются из идей и поведения людей, определяемого этими идеями. Деспоты правят там, где подчиненные предпочитают повиноваться, а не оказывать открытое сопротивление. Идеологическая трансформация в наше время ослабляет и угрожает окончательно разрушить авторитет родителей, учителей и духов-

ных наставников. Рабовладелец может позволить себе обращаться с рабом, как с вещью, поскольку тот поневоле готов выполнить какие угодно требования рабовладельца.

Значение философского индивидуализма было превратно истолковано предвестниками коллективизма. На их взгляд, дилемма заключается в том, должны ли проблемы и интересы индивида занимать более высокое место, чем интересы какого-либо коллектива. Однако эпистемологическое противоречие между индивидуализмом и коллективизмом не имеет прямого отношения к этому чисто политическому вопросу. Индивидуализм, выступающий в качестве принципиальной основы философского, праксеологического и исторического анализа человеческого поведения, предполагает признание того факта, что источник всякого действия может быть сведен к конкретным индивидам и что ни один научный метод не может дать точный ответ на вопрос, каким образом различные внешние обстоятельства, которые вполне описываются естественнонаучными методами, рождают в умах определенные идеи, ценности и желания. В этом смысле индивид, как далее неразложимая частица, является и точкой отсчета и основой для всех попыток исследования человеческого действия.

Методология коллективизма антропоморфична, поскольку она принимает за аксиому то, что теории, описывающие поступки индивида, применимы в анализе коллективных действий. Она закрывает глаза на тот факт, что любой коллектив – суть продукт определенного способа поведения индивидов, а также идей, которые определяют этот тип поведения.

ЛИТЕРАТУРА

- Кейнс Дж.Н.** Предмет и метод политической экономии. Пер. с англ. М.: И.А.Баландин, 1899 [1891].
- Mises L., von.** Omnipotent Government. New Haven: Yale University Press, 1944.
- Mises L., von.** Human Action. New Haven: Yale University Press, 1949.